

Н. Д. Иванчин-Писарев

**Михаил, великий князь
Киево-Черниговский и
боярин его Феодор**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
И17

И17 **Иванчин-Писарев Н.Д.**
Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор / Н. Д.
Иванчин-Писарев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 50 с.

ISBN 978-5-458-06652-5

ISBN 978-5-458-06652-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЕГО СІЯТЕЛСТВУ

КНЯЗЮ МИХАИЛУ АНДРЕЕВИЧУ

ОБОЛЕНСКОМУ.

Мы сошлись не такъ, Любезнѣйшій Князь, какъ пріятели свѣтскіе: мы сошлись въ храмѣ Русскихъ Музъ, какъ сомысленники, любя Отечество, его преданія и розыски его древностей.— Я не ошибаюсь, ибо памятливъ: первое свиданіе наше было въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ кровомъ Московскаго Университета. — Въ бесѣдахъ нашихъ о предметахъ нами любимыхъ, Вы, между прочимъ, подали мнѣ мысль сдѣлать очеркъ жизни Святаго Князя Михаила и Боярина его, Осодора, Черниговскихъ, съ крат-

кимъ обозрѣніемъ тогдашней Россіи. Хотя и страшно было мнѣ коснуться того, о чемъ уже говорилъ Карамзинъ, однакоже я взялъ перо, а Вы сообщили мнѣ нѣкоторые любопытные матеріалы. Помня это, нахожу, что рукопись моей тетрадки должна принадлежать Вамъ. И такъ; да будетъ она слабымъ знакомъ пріязни, освященной родствомъ чувствъ и мыслей.

Преданный Вамъ

Николай Ивановичъ—Писаревъ.

***Великіе люди и великіе народы подвержены
ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи
являютъ свое величіе.***

Карамзинъ.

МИХАИЛЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВО - ЧЕРНИГОВСКІЙ

и

ВОЯРИНЪ ЕГО ФЕОДОРЪ.

Кто изъ насъ безъ особеннаго чувства посѣщалъ Московскій Кремль, эту сердцевину нашей славы, искупленной толикими трудами въ тугахъ народныхъ, облитой моремъ крови не утолявшейся доколь не окрѣпла Россія въ величїи; этотъ Кремникъ, изъ котораго изваялось колоссальное могущество, заставившее Европу и Азію разступиться, и дать мѣсто необозримой! Еще недавно я посѣтилъ его святыя мѣста, среди коихъ сердце Русское такъ сильно бьется порывами восторга, или волнуется сладкимъ умилениемъ. Въ первомъ храмѣ его поклоняясь чудной Иконѣ, древлѣ Вышгородской, со временъ Боголюбскаго Владимірской, со дня отшествія Тамерлана святынѣ Московской; поклоняясь и написанной первымъ Святителемъ града съ пророчествомъ о судьбѣ Москвы; поклоняясь богатырнымъ данямъ Византіи, Палестины и Ирана; прославленнымъ гробамъ великихъ Іерарховъ, и, какъ благодарный сынъ Отечества, гробамъ Филарета и Ермогена, я вступилъ подѣ

священные своды Архангельскаго храма, въ эту усыпальницу порфироносныхъ, — и раскрылась предо мною вѣковая скрижаль, надъ которою патриотъ святить слезами свои помины, дѣписатель ищетъ вдохновеній, мудрый, благословляя столько добродѣтелей, замѣчаетъ, какъ меркнуть въ полномъ ихъ сіяніи отблики страстей и слабостей человѣческихъ.

Переходя отъ гроба Іоанна Калиты, отца Москвы и Единовластія, ко гробу ихъ довершителя, прямого виновника нашихъ силъ, Великаго Іоанна; отъ гроба непостижимаго Грознаго, творца Судебника, покорителя Царствъ, посланнаго Россіи въ знаменіе то благостыни то кары небесной, ко гробу мудраго Алексія, собрата земли и законодавца, я остановился предъ двумя, уступленными древнимъ Черниговымъ: предъ нетлѣнными мощами Князя Михаила и споклоняемаго ему Боярина Ѳеодора, — и мысленно говорилъ: Отечество мое! нѣтъ подъ солнцемъ другаго края, гдѣ бы такъ нераздѣльно сливалась Вѣра во Христа съ любовію къ родинѣ; гдѣ было бы столько страдальцевъ, до послѣдняго издыханія сохранившихъ оба чувства, и славно умершихъ за обѣ святыни. Вотъ останки Праведниковъ изъ коихъ одинъ соединилъ достоинство Вѣнценосца съ характеромъ мудраго о Христѣ и съ пламеннымъ отчизнолюбіемъ Русскаго; другой и жизнь и смерть свою оставилъ въ примѣръ усердія къ добрымъ Монархамъ, возсѣдаютъ ли они на тронахъ, скитаются ли какъ странники, умираютъ ли въ истя-

заніяхъ! — Такъ говорилъ я, — и жизнь державнаго страдальца предстала умственнымъ очамъ моимъ.

Князь Михаилъ родился во времена, можно сказать, еще цвѣтуція для Россіи, когда связи съ единовѣрною Греціей обѣщали ей первенство надъ Западомъ, утопавшимъ въ грубомъ невѣжествѣ, среди грабежей, феодальнаго разновластія и ужасовъ фанатизма, когда, вооруженный буллами, громоносный Святитель принужденъ былъ вытѣснять царей и народы изъ отчизны, чтобы подъ знойнымъ небомъ Азии гибнуть имъ въ трудахъ путевыхъ, или отъ меча Саладина; между тѣмъ какъ мы и данники—учители наши, Греки, уклонялись отъ сего возстанія, смиряя строптивость сосѣднихъ народовъ. Еще въ Европѣ не слышно было о тьмахъ варваровъ, которыхъ Провидѣніе копilo на Россію, чтобъ искусить ее двувѣковою истомою. Россія, говорю, еще цвѣла, возмущаемая по мѣстамъ лишь распрями усобій. Сіи хотя и задерживали исполинскій ходъ ея къ величію, но въ общемъ объемъ ея мѣстности и силъ не претили ей возрастать и славиться. На Сѣверѣ, богатый, досужій Новгородъ, престоліе Рюрика, гремѣлъ въ народахъ избытками торговли и промышленности, хвалясь велелѣпіемъ своего Софійскаго храма, гордясь и Дворомъ Ярослава Великаго, творца сего знаменитости. Отблескомъ его славы красовался и смежный ему Псковъ, родина святыхъ Ольги, хранитель гроба и меча Всеволода-Гавріила. Оба града готовились приноситься лав-

рами святодоблестнаго Александра, будущей грозы Германцевъ, Шведовъ и Меченосныхъ Рыцарей. Срединѣ Россіи, древніе Ростовъ и Суздаль обновились образцами своеобразныхъ искусствъ зодчества и стѣнной живописи. Въмѣстѣ съ ними, Переяславль и новопрестольный Владиміръ, творенія Мономаха, Георгія, Боголюбскаго, Всеволода Великаго и сына его, Константина, возникали въ величїи, оствѣня колыбель раждающейсѣ Москвы, ихъ будущей царицы, — и переселенецъ забывалъ южныя грады, имъ соименныя. Смоленскъ былъ крыломъ Русскаго орла, и, хотя жертва мятежей, являлся еще достойнымъ гордиться, какъ первая добыча героя, прибившаго свой щитъ къ вратамъ Царя-Града. На югѣ, древній Черниговъ, еще при Ольгѣ бравшій дани съ Императоровъ Греціи, былъ родиною Михаила, и цвѣлъ тогда слѣдами Мономаховой мудрости. Тамъ, надъ многими святолѣпными памятниками возносился храмъ Спасо-Преображенскій, заложенный Мстиславомъ, сыномъ Владиміра Великаго. Михаилъ, еще младенецъ, дивился лѣпотѣ его зодчества и стѣнописныхъ испещреній; съ любопытствомъ разсматривалъ его мраморныя столпы, еще довременныя нашему Христіанству, и заставлялъ толковать себѣ ихъ таинственныя буквы. Обозрѣвая на стѣнахъ его изображенія святыхъ Мучениковъ, онъ крѣпилъ душу къ будущему великому подвигу. Въ его *усыпальномъ теремѣ Князей*¹, внимая бесѣдѣ мудрыхъ пестуновъ съ иноками-лѣтописцами, онъ прислушивался къ рассказамъ о славѣ предковъ, о

святости ихъ земли, о долгѣ презрѣть изъ любви къ ней всю иную славу, сдруживъ это чувство съ высшими понятіями Христіанина. Возвращался ли подъ кровь родительской грядницы, — тамъ склонялъ онъ слухъ къ велезвучнымъ пѣснямъ стараго времени, въ которыхъ еще жило рокотаніе струнъ въщихъ, и уже гадалъ въ младенческой думѣ своей, какъ сладко вступить въ златое стремя за обиду земли Русскія. Святый, боголѣпный Кіевъ, второй Царь-градъ, блисталъ дивами времени святаго Владиміра и трехъ послѣдовавшихъ вѣковъ, — и странникъ, пораженный видомъ его Златыхъ Вратъ, церквей: Десятинной, Софійской, Великой Печерской, Пирогощей и стѣнами обители Выдубецкой, столбенѣлъ въ безмолвномъ изумленіи. Тамъ, среди узорочій Византійскихъ, живо-блестящей мусіи, златосканнаго дѣла, хитрой рѣзбы, чудныхъ изваяній изъ камней и кристала, среди Св. иконъ, оживленныхъ кистию Алипія, склонялся на гробъ Равноапостальнаго, державный юноша поучался, какъ властители народовъ прослывають ихъ *солнцемъ*; надъ гробомъ Ярослава, коему ни огонь ни мечъ, ни самое время не коснулись, помышлялъ онъ о прямомъ величій, котораго достигаютъ державцы, строя, судя и рядя землю, и предавая хартіямъ святыя думы о благѣ потомства; надъ гробомъ Мономаха твердилъ его *Поученіе*, которое во всѣ времена пребудетъ назидательнымъ для человѣка, въ порфирѣ ли онъ, или въ одеждѣ простолюдина. Тамъ, на одномъ изъ красныхъ холмовъ Кіевскихъ, въ Вышгородскомъ

храмъ Св. Василя, надъ златокристальною ракою Св. Бориса и Глѣба, дивившею и Греческихъ искусниковъ, онъ размышлялъ о суетѣ земнаго и его царства, и увѣрялся въ истинѣ, что правота сердца одна ведетъ къ царству нескончаемому; что и многоцѣнная рака, и самые останки, ею хранимые, могутъ сокрыться на днѣ кладезя отъ племень грядущихъ², но имя и дѣла проглянуть въ вѣки для примѣра, въ вѣчность для самаго подвижника добродѣтели. Среди такой-то Россіи, въ таковыхъ-то поученіяхъ возрасталъ душею и тѣломъ юный Русскій Князь, будущій прославленный.

Михаилъ рано позналъ превратность дольняго; и когда усобія принудили его отца, Всеволода Чермнаго, оставя Кіевъ, удалиться въ Черниговъ, тогда и онъ сопутствовалъ ему, оставя Княженіе Переяславское. Какая то особенная любовь, слитая съ поминомъ первыхъ дней, влекла его къ мѣсту, которое видѣло его колыбель и внимало его младенческой молитвѣ. Онъ прибылъ въ него, — и съ тѣхъ поръ, вынуждаемый ли распрями Князей, водимый ли долгомъ державства, обтекая земли отъ Сѣвера до Юга, болѣе и болѣе роднился съ святыми напоминаніями послѣдняго.

Между тѣмъ наступала для Россіи година язвъ, которыхъ уврачевать едва могли вѣки трудовъ и бореній. Какъ отдаленный грохотъ бури, прине-слось отъ Юго-Востока неслыханное, роковое слово: *Татары!*... Не долго оставалось оно глухимъ звукомъ: скоро лютые, звѣровидные питомцы